
Д. РЕВЕЛЛИ

Христианские воззрения в «Чтении» Нестора

Я очень признательна дирекции Института русской литературы (Пушкинского Дома) за оказанную мне честь выступать на конференции, посвященной памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева в первую годовщину со дня его смерти. В течение более чем 20 лет академик Лихачев следил за моими исследованиями в области древнерусской литературы, а самое главное, — за моими работами, в которых я анализирую литературный цикл, рассказывающий о русских святых князьях Борисе и Глебе. Именно по его совету я стала заниматься «Чтением о Борисе и Глебе»¹ в обработке Нестора, потому что, по его словам, нельзя было издавать «Сказание о Борисе и Глебе», не включив «Чтение» в это же издание.²

Так я и сделала. Правду говоря, сначала я приняла его совет без энтузиазма, потому что при первом знакомстве с этим произведением, в тот период, когда я занималась моей дипломной работой, оно мне показалось очень скучным по сравнению со «Сказанием», и меня утешала лишь мысль о том, что количество его списков не очень большое. Я навсегда останусь благодарна академику Лихачеву за его долголетнюю помощь и за этот совет, потому что он был совершенно прав тогда, и теперь я считаю «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора одним из самых высокохудожественных и содержательных произведений не только в русской словесности этого периода, но и во всей средневековой европейской литературе.

Читая этот текст, невозможно не удивляться глубине и широте мышления, стилистическому совершенству, сообщенным этому произведению Нестором,

¹ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 1—26 (репринт Muller L. Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgischen Dichtungen über die heiligen Boris und Gleb. München, 1967 (Slavische Propyläen Bd 14), Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV в.) / Под ред. Л. А. Дмитриева. М., 1985 (л. 89—116 об.)

² Revelli G. Monumenti letterari su Boris e Gleb = Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993. Мы будем цитировать все литературные произведения о Борисе и Глебе по этому изданию, страницы которого указаны в тексте статьи.

который обработал его еще до создания «Жития Феодосия Печерского»,³ если судить по его же словам: «...се бо испрва писавъшю ми о житие и о погублении и о чудесьхъ святою и блаженою страсотръпцю Бориса и Глѣба»⁴ (С. 304), скорее всего, в 80-х гг. XI в.⁵ Этот знаменитый древнерусский автор все еще поражает современного читателя широтой своего кругозора, своей способностью быть выше всех исторических и религиозных противоречий, которые, кстати, появились уже во второй половине XI в. после раскола между Восточной и Западной христианскими церквями, произошедшего в 1054 г. Это событие не упоминалось ни в одном из произведений того времени, упоминания о нем нет даже в «Повести временных лет». Замалчивание этого события в литературных памятниках того времени можно считать намеренным, если мы учитываем особенную религиозно-политическую позицию Киево-Печерского монастыря, о котором Д. С. Лихачев писал так: «Это был крупный центр оппозиции и власти константинопольской патриархии, и власти киевского митрополита-грека».⁶ Но мы имеем прямое свидетельство, говорящее о существовании осложнений в отношениях между Греческой и Римской церквями, уже в «Послании к князю о вере латинской»,⁷ которое Феодосий Печерский направил монахам. Но в литературном наследии Нестора нет никакого намека на эти осложнения. Как убедительно доказал Д. С. Лихачев, Нестор развивает основные религиозные и философские идеи, выдвинутые Иларионом в «Слове о Законе и Благодати» и заключающиеся в самой основе «древнейшего русского летописания».⁸ Тем не менее все творчество Нестора отличается оригинальностью и чуткостью религиозной мысли и обогащается новыми стилистическими приемами.⁹ Само возвышенное обращение к Богу, с которого начинается «Чтение»

³ Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 71—135; Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста, перевод и примеч. О. В. Творогова // ПЛДР. XI—нач. XII в. М., 1978. С. 304—391, 456—459. Далее цитаты из «Жития Феодосия Печерского» по этому изданию с указанием страниц в тексте.

⁴ О Несторе см. Творогов О. В. Нестор // Словарь книжников. Вып. 1. С. 274; Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 52—66.

⁵ Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом житии св. Феодосия // ИОРЯС. СПб., 1899. Т. 64. С. 22; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 207; наоборот, по мнению С. А. Бугославского, «Житие Феодосия» было создано после 1108 г. Об этом см. Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // ИОРЯС. 1914. Пг., 1915. С. 135—143. По этому поводу см. Зибров В. К. О летописи Нестора (основной литературный свод в русском летописании XI в.). СПб., 1995. С. 44—49; Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. С. 611—613.

⁶ Лихачев Д. С. Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 316.

⁷ Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 16—23.

⁸ Лихачев Д. С. Историко-литературный очерк. С. 315—339.

⁹ О стилистических особенностях Нестора см. Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора. С. 26—57; Еремин И. П. К характеристике Нестора как писателя // Еремин И. П. Литература Древней Руси. М., Л., 1966. С. 28—41; Лихачев Д. С. Великий путь. Становление русской литературы XI—XVII веков. М., 1987.

Нестора, призвано вызывать в нас ощущение ничтожности человека: «Владыко Господи Вседержителю, створивый нѣбо и землю и вся яже на ней, Ты и нынѣ сы Владыко, призри на смирение мое и подаи же разумъ сѣрдцю моему, да съповѣдь оканьный азъ всѣмъ слушающимъ жития и мучения святу стра- стотѣрпцю Бориса и Глѣба» (С. 601).

В этом обращении к Господу Вседержителю Пантократору и Животворцу используется стилистическая средневековая модель, по которой автор признает недостаток разума своего в создании жития святых мучеников Бориса и Глеба. Однако здесь привычные слова обретают новый смысл, выраженный главным образом в просьбе к Богу «*на разум сѣрдцю моему*». Призыв к сердцу, с которым мы не раз сталкиваемся в «Чтении», производит на нас впечатление, что автор любит святых мучеников Бориса и Глеба до такой степени, что он не может разумно говорить о них без Божьей помощи. Этими словами Нестор показывает нам не только свое прямое и искреннее обращение к Богу и святым, но и свое знание Священных Писаний, в которых сердцу придается высшее значение, и оно и считается центром духовной жизни и умственного понимания человека. В Библии, обращаясь к еврейскому народу, Господь часто упоминает человеческое сердце: «...и дам им сердце, чтобы знать Меня, что Я Господь, и они будут Моим народом... ибо они обратятся ко Мне всем сердцем своим» (Иер. 24: 7—8). И еще: «...вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его» (Иер. 31: 33—34). Выражение Нестора «разум сѣрдцю» часто встречается в священных книгах: «... даруй же рабу Твоему *сѣрдце разумное*, чтобы судить народ Твой» (Цар. 3: 9), и еще: «Я даю тебе *сѣрдце мудрое и разумное*, так что подобного тебе не было...» (Цар. 3: 12). Именно это значение надо придавать прямому и высокому обращению Нестора к Богу в начале «Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского», где автор опять употребляет библейское выражение в том же смысле: «Владыко мой, Господи Всѣсѣрдѣжителю, благымъ подателю, отче Господа нашего Иисус Христа, прииди на помощь мнѣ и *просвѣти сѣрдце мое на разумымъние заповѣдий твоихъ* и отвѣрзи устнѣи мои на исповѣдание чудесь твоихъ» (С. 306). Итак, можно заключить, что в рамках средневековой традиции Нестор совершил новое литературное употребление библейского приема «разума сердца».

Начиная свой рассказ с сотворения мира «Искони бо рече сътвори Богъ нѣбо и землю и вся яже на земли. И насади на востоцѣ породу» (С. 601), Нестор упоминает два главных события: сотворение мира и восстание ангелов против Господа, вследствие чего дьявол был изгнан с небес на землю: «Искони же ненавиidia добра дьяволь иже бѣ рекль, да сътворю престоль свои на звѣздахъ, и сриновень бысть на землю за гордость его» (С. 601).

Князя Борис и Глеб своей святостью препятствуют действиям дьявола и спасают Русскую землю от зла и погибели.

С 45—47, Фрейданк А Повторы и их функции в Чтении о Борисе и Глебе // Проблемы культурного наследия М, 1985 С 57—64, Giembelluce Kossova A Per una lettura analitica del *Žitie Prepodobnago Feodosija Pečerskago di Nestore* // *Ricerche Slavistiche* XXVII—XXVIII, 1980/81 P 65—100, Топоров В Н Святость и святые С 611—750

Таким торжественным началом Нестор хочет придать спасению Русской земли от язычества и идолов мировой размах. После принятия христианства Русь безусловно стала осознавать себя частью великой христианской вселенной, «участницей ее священной истории».¹⁰ Вот почему Нестор начинает свое повествование с сотворения мира. В его творчестве мы видим, как включается Русь в мировую историю и в христианское европейское средневековое общество, где она воспринимается как полноправный член этого сообщества. Равноправие русского народа с теми, кто принял христианство раньше его, стало уже ведущей темой в «Слове о Законе и Благодати», но в литературном творчестве Нестора притча «Работники одиннадцатого часа» приобретает особое значение и в «Чтении о Борисе и Глебе», и в «Житии Феодосия Печерского».¹¹ В этих произведениях берутся под защиту работники одиннадцатого часа, которые последними пришли работать в Господний виноградник: «Изиде же и въ 11 часъ и обрѣте и ины сѣдѣюща праздны: „Что есте яко праздны?“ — глагола имъ. Они же глаголаша ему: „Всь день сѣдѣхомъ никто же не наять насъ“. И рече имъ: „Идѣте въ виноградъ мой и дѣлайте. Иже будетъ вы право то да возмете“» (С. 612). В «Житии Феодосия Печерского» хозяин принимает их сторону и утверждает: «Мнози будутъ послѣднии прѣвии» (С. 304). В мировоззрении Нестора мы сталкиваемся с двумя важнейшими принципами: 1) спасение русского народа — это всемирное дело, оно касается всего христианского мира; 2) русский народ поэтому призван играть важную роль на мировой арене. Принятие христианства на Руси вводило в действие идеал праведной жизни, утверждало норму праведной жизни, христианского подвига и путь к святости. Следуя этому высокому образцу, русские авторы стали развивать и дополнять его примерами отечественной святости, начиная от святых князей Бориса и Глеба и затем Феодосия Печерского, князя Владимира, княгини Ольги. В религиозном контексте Древней Руси литературная деятельность Нестора была очень значительной и имела основополагающую роль; она отражала литературно-агиографические связи, существовавшие тогда с западными соседями и с Италией.¹²

¹⁰ О понятии «священная история» см. Топоров В. Н. Святость и святые. С. 618—619, Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. СПб., 2001. С. 55—56, 65—72.

¹¹ По этой теме см. Топоров В. Н. Святость и святые. С. 266—350.

¹² Соболевский А. И. 1) Церковнославянские тексты моравского происхождения. Warszawa, 1900, 2) К хронологии древнейших церковнославянских памятников // ИОРЯС. 1906. Т. 10. Кн. 2, Mateš F. M. An anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979 (Slavische Propyläen Bd 127), Jakobson R. Český podíl na církevněslovanské kultuře // Codaly naše země Evrope a listvu. I. Praha, 1939, Matejka L. On translating from Latin into Church-Slavonic // American Contributions to the VIth International Congress on Slavists. New York, 1968, Picchio R. Principles of comparative Slavic-Romance literary history // American Contributions to The Eighth International Congress of Slavists. Columbus, Ohio, 1978. Т. 2. Р. 630—643, Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 21—54, 208—210, Winter E. Russland und Papstum. Berlin, 1960. Т. 1. С. 30—32, Подскальский Г. Христианство и богословская литература. С. 16—51, 94—107, Dvornik F. Les bénédictins et la christianisation de la Russie // L'Eglise et les églises. Chevetogne, 1954. Т. 2. Р. 331—333, Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). V Praze, 1935. Т. 1. С. 51—156, Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.

В Киевской Руси культ божественного князя мученика Вячеслава уже существовал в XI в., как доказывает память, включенная в Минею Новгородского сборника, составленного в 1095—1097 гг.¹³ По мнению А. В. Флоровского, агиографические произведения, посвященные мучениям святого Вячеслава и святой Людмилы, были несомненно распространены на Руси начиная со второй половины X в. до конца XI в.¹⁴

Но политические и культурные отношения развивались в разных направлениях. В Сазавском монастыре был освящен алтарь в честь Бориса и Глеба, убитых в 1015 г. Об этом событии упоминается в хронике Сазавского монастыря, в которой под 1095 г. мы читаем «Eodem anno Idus Octobris <...> deinde tertia die <...> consecrata sunt duo altaria unum a dextris in quo continentur reliquiae sancti Glebii et socii eius». По поводу того, кто сопровождал перенесение мощей святых Бориса и Глеба в Богемию, мнения ученых различны: В. Chaloupecký¹⁶ и А. В. Флоровский¹⁷ считали, что они были принесены в дар князю Вратиславу Владимировичем Мономахом. Однако Д. Чижевский¹⁸ думает, что сам Нестор участвовал в перенесении этих мощей. Но это второе предположение вообще не нашло широкой поддержки среди ученых. Контакт с западными славянами способствовал тот факт, что в Богемии, несмотря на господство латинской литургии, проходили еще обряды на славянском языке, особенно в монастыре Сазавы, где продолжилась Кирилло-Мефодиевская традиция, до времени введения в 1096 г. папской буллы Григория VII.¹⁹

В этом религиозно-культурном контексте не удивляет, что в композиционной структуре двух агиографических произведений, приписываемых Несто-

¹³ Ягич И В Служебные мины за сентябрь—октябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг СПб, 1886, Подскальски Г Христианство и богословская литература С 106, Кралик О Крещение Борживоя и вопрос о непрерывности старославянской литературы в Чехии // ТОДРЛ М, Л, 1963 Т 19 С 148—168

¹⁴ Флоровский А В 1) Чехи и восточные славяне С 123—132, 2) Чешские струны в русском литературном развитии // Славянская филология (IV Международный съезд славистов) М, 1958 Т 3 С 219—226, Словарь книжников Вып 1 С 181—183

¹⁵ Fontes rerum Bohemiarum, I Vitae sanctorum V Praze, 1874 Т 2 Р 251 (далее — FRB) Интересно заметить, что здесь князь Борис упоминается только как брат Глеба Так происходило в Чернигове и в Смоленске с посвященными им храмами По этому поводу см Лесючевский В И Вышегородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // Советская археология М, Л, 1946 С 238, Vais I Legenda o svatem Borisi i Glebovi Tasov, 1947, Рогов А И Жизнеописание первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре // Рогов А И Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности М, 1970 С 14

¹⁶ Chaloupecký V Slovanska bohosluzba v Cechach // Vestnik česke Akademie věd a umění 1950 Vol 9 Č 4 Ijul'—avgust С 74

¹⁷ Флоровский А В Чешские струны в русском литературном развитии С 220—222

¹⁸ Čiževský D Anklänge an die Gumpolds-legende de hl Vaclav in der altruss Legende des hl Feodosij und das Problem der 'Originalität' der slavischen mittelalterlichen Werke // Wiener Slavistisches Jahrbuch Wien, 1950 Bd 1 S 84

¹⁹ Подскальски Г Христианство и богословская литература С 106, Chaloupecký V Kniže Svaty Vaclav Praha, 1947 С 55—56

ру, — «Чтении о Борисе и Глебе»²⁰ и «Житии Феодосия Печерского»²¹ многие ученые, среди которых упоминается Никольский, Чижевский, Н. Н. Ильин, заметили повествовательную модель и стилистические приемы, общие с «*Passio sancti Venceslavi Martyris Gumpoldi Mantuani episkopi*».²² Как я уже старалась доказать в своих исследованиях, агиографические произведения о святом Вячеславе сходны в *главных идеологических константах* с «Чтением о Борисе и Глебе» и «Житием Феодосия Печерского».²³

Ниже перечисляются эти *композиционные единицы*, мной названные *идеологическими*, потому что они определяют и содержание, и структуру вышеупомянутых произведений:

- а) идеал христианского государя, преданного вере и Церкви;
- б) восхваление знатного происхождения святого;
- с) новый интерес к культуре и красноречию: святой почти всегда очень образованный;
- д) святой занимает высокий пост или в обществе (князь или герцог), или в церковной иерархии (епископ или настоятель);
- е) святой — утешитель страдающих, благодетель бедных и беззащитных людей;
- ф) новая оценка внешнего вида и телесной силы: святой описывается как человек красивой наружности и внушительного вида;
- г) дьявол подстрекает человека ко злу;
- h) восхваление мучения или смерти святого.

Здесь я затрону только одну из них — третью, которая развивается Нестором наиболее оригинально и приобретает в его агиографических произведениях особое значение.

В произведениях, посвященных святому Вячеславу, мы читаем, что юноша был направлен отцом в Будец, чтобы изучить все науки, в то время доступные.

²⁰ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 45—46, J n g h a m W. Czech Hagiography in Kiev. The prisoner Miracles of Boris and Gleb // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1965. Jahrgang 10, Heft 2. S. 166—182, Р о б и н с о н А. Н. Славянские литературы среди средневековых литератур мира (Старший период) // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. София, 1988. С. 13.

²¹ Č i ž e v s k y D. 1) Anklänge an die Gumpolds-legende de hl. Václav. 2) История украинской литературы вид початків до доби реалізму. New York, 1956. С. 56, 84, 91, 93—94, 97.

²² Сочинена на латинском языке приблизительно в 980 г. мантуанским епископом Гумпольдом, известна в старославянском переложении как «Вторая старославянская легенда о святом Вячеславе» или как «Легенда Никольского». Тексты обеих легенд опубликованы в издании Н и к о л ь с к и й Н. Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909.

²³ R e v e l l i G. La Leggenda di san Venceslao e lo Skazanie o Boris i Glebe. alcune considerazioni sui rapporti agiografici medioevali. Contributi Italiani all'XI congresso Internazionale degli Slavisti (Bratislava 30/X—8/IX—1993) // Ricerche Slavistiche. Roma, 1993. Vol. 39—40. P. 209—247, Р е в е л л и Д. Старославянские легенды святого Вячеслава чешского и древнерусские княжеские жития // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Т. 9. С. 79—93, Сказание о чудесах в Легендах о святом Вячеславе и в житиях Бориса и Глеба // Там же. С. 94—100.

Он хорошо ориентировался в греческих и латинских книгах, не говоря уже о славянских, и отлично знал псалмы. В произведениях, посвященных Борису и Глебу, только «Чтение» уделяет внимание образованию двух князей и рассказывает, что в детстве Борис читал весь день и его брат Глеб слушал его с покорностью:

«Востоковская легенда»: ²⁴ «И нача отрок учитися книгам Латыньским и научися добръ <...> и нача же умѣти книги Латыньскія, якоже добрый Епископ или Поп, да аще я възымаше я Греческія книги или словеньскія прочиташе я вьнѣ без блазна» (л. 55—56). ²⁵

«Легенда Гумпольда»: «Qui vero mirae claritatis ac amandae indolis, dum floridam iuventutis aetatem primum attigisset, patre adhuc viva, ad litterarum dispani exercitia desiderans, paternumque crebro flagitamine deflectens animum, eius transmissu in civitate Budec litteris addiscendis est positus. Cuius itaque ingenio celeri capacitate divinus instructo, brevi librum psalmodialem ceteraque divinorum compluria perdidit» (Никольский. С. 12—14). ²⁶

«Легенда Никольского»: «Идѣже бо чюдной свѣтлости толи любимое красоты отроча, егда цвѣтуеть оуности вѣкы первомо прикоснуся, отцу и еще живы сущу книжным хитростем желая. Толико отинюдь души и уму и мысль частым молением премогу. И его посланием // в град нарицаемый Будечь к *попину* именовану Ученуу наычити книгам оучити дан бысть. Егоже поистиннѣ хожеством къ скорѣишему разуму божественному направлен скорою хитростию книги пальтыри и прочее другое проиде» (Никольский. С. 12—14). ²⁷

«Чтение о Борисе и Глебе»: «Бѣ же Глѣбѣ велми дѣтескъ, а блаженный Борисъ въ разумъ сы, исполнь благодати Божия. Взмаше бо книги и чтяше. Бяше бо и грамотѣ научень, чтяше же жития и мучения святыхъ и глаголаше моляся съ слезами. Владыко мои ИисусеХристе <...> Сице же ему моляшуся по вси часы, а святыи Глѣбѣ послушаше его, сѣдя и не отлучашеся отъ блаженаго Бориса, но с нимъ день и ночь послушаше его» (С. 620).

«Житие Феодосия Печерского»: «Къ симъ же и дается веля на учение божественныхъ книгъ единому от учитель; якоже и створи. И въскорѣ извыче вся граматикія, и якоже всѣмъ чюдится о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмъ его учении. Покорение же его и повиновение къто исповѣсть, еже сътяжа въ

²⁴ Текст «Первой старославянской легенды», переданный в списке РГБ., ф. 256, № 346, л. 54—61, конца XV в., был опубликован впервые: Востоков А. Убиение св. Вячеслава князя Чешского // Московский вестник. М., 1827. Ч. 5. № 18. С. 84—94 и переиздан в факсимильном издании: Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 40—52. Об этом произведении и о содержании рукописи см.: Serebrjanskij N. J. Ruské redakce původní staroslověnské legendy o sv. Václavu, Sborník staroslověnských literárních památek. Praha, 1929. С. 11—16; Ягич И. В. Легенда о св. Вячеславе // РФВ. Варшава, 1902. № 3—4; Кралик О. Возникновение 1-го старославянского Жития Вячеслава // Byzantinoslavica. 1966. N 6. С. 131—163; Словарь книжников. Вып. 1. С. 182—183.

²⁵ Рогов А. И. Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 41—43.

²⁶ FRB. P. 149.

²⁷ Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 73.

учении своемъ не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ всѣмъ учащимся с ним?» (С. 308).

В своей оценке человеческого образования Нестор глубоко отличается от византийской агиографии, в которой, наоборот, выражалось глубокое пренебрежение к человеческому знанию в сравнении с Божественной Софией. В мировоззрении древнерусского автора образование оказывается очень важным делом для каждого человека и потому, что оно дает возможность более сознательно общаться с Священными Книгами и приближаться таким образом к Божественной Софии, как явствует из следующих слов Бориса: «Господи Боже мои, да не вознесется мысль моя суетою мира сего, но *просвѣти сердце мое на разумие твое и твоихъ заповѣди*» (С. 620). Именно в этом смысле *интерес к культуре и красноречию* играет очень важную роль в «Чтении о Борисе и Глебе» и в «Житии Феодосия Печерского», в которых подчеркивается не только любовь отрока к Божественным Книгам, но и умственные способности святого, благодаря которым он очень быстро всему научился, именно как раньше святой Вячеслав.

Несмотря на некоторые очевидные тематические сходства с произведениями, посвященными святому Вячеславу, главную модель «Жития Феодосия» Нестор нашел в греческой агиографии²⁸ и особенно, как доказал А. А. Шахматов,²⁹ в «Житии святого Саввы Освященного», которое он употребил в «готовом славянском переводе».³⁰

Итак, в заключение можно сказать, что в литературном творчестве Нестора отмечаются темы и композиционные структуры латинского агиографического средневековья и греко-византийской религиозно-аскетической традиции. Появляются, таким образом, два вида одной вселенской экклесии, о которой упоминается в самом тексте «Чтения», где мы читаем о митрополите Иоанне: «...ти тако отъиде въ свою кафоликани икклісія» (С. 679).

²⁸ Об этом см.: Федотов Г. Святые Древней Руси. С. 39—51.

²⁹ Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом житии Феодосия // СОРЯС. 1896. Т. 64. С. 1.

³⁰ Абрамович Д. И. К вопросу об источниках Несторова жития преп. Феодосия Печерского // ИОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 1. С. 246; по этой теме см.: Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 20. С. 47.